

УДК 94(436)"1914/1920"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/42/10

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ РУСИНОВ. 1914–1920 гг.*

И.В. Нам¹, Н.И. Наумова²

Томский государственный университет
Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

¹ E-mail: namirina@bk.ru

SPIN-код: 3446-3096

² E-mail: tomnin@yandex.ru

Авторское резюме

На примере национального движения русинов, развивавшегося в остром противоборстве двух национально-политических течений – украинофилов и русофилов (москвофилов) рассматривается роль коллективной исторической памяти в процессах национального строительства и политической идентификации в условиях глобальных социальных потрясений – Первой мировой войны и гражданской войны в России. На основе анализа архивных документов показано, как политическая элита русинского движения, ориентировавшаяся на Россию, использовала дискурс исторической памяти (общерусского исторического прошлого) в целях «воссоединения» Прикарпатской Руси с «носителем общерусских ценностей» – Россией. В случае успешного достижения этой цели могло произойти преобразование русинского населения в локальный вариант общерусской политической нации – один из возможных, но не осуществившихся вариантов национального развития восточнославянского населения Галицкой Руси.

Ключевые слова: историческая память, русины, национальное строительство, политическая идентификация, Первая мировая война, Россия.

* Работа выполнена в рамках работ по гранту Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009 и программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

HISTORICAL MEMORY AND THE NATIONAL AND POLITICAL IDENTIFICATION OF RUSINS in 1914–1920*

I.V. Nam¹, N.I. Haumova²

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

¹ E-mail: namirina@bk.ru

Tomsk State University, 36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia

² E-mail: tomnin@yandex.ru

Authors' summary

The role of collective historical memory in the nation-building process and the political identification in the context of global social upheavals – the World War I and the Russian Civil War – is considered through the example of the national movement of the Rusins which developed in the acute confrontation of two national and political movements – the Ukrainophiles and the Russophiles (Muscophiles). Based on the analysis of archival materials it is shown how the political elite of the Rusins movement, oriented towards Russia, used the discourse of historical memory (the all-Russian historical past) for the purpose of “reunification” of Carpathian Rus with the ‘bearer of all-Russian values’ – Russia. In the case of a successful accomplishment of that goal, the result could have been the transformation of the Rusins movement into a local version of an all-Russian political nation – one of the possible, yet unrealized prospects of development of the Eastern Slavic population in Galician Rus.

Keywords: historical memory, Rusins, nation-building, political identification, First World War, Russia.

Нация – это душа, духовный принцип. Две вещи, являющиеся в сущности одною, составляют эту душу, этот духовный принцип... Одна – это общее обладание богатым наследием воспоминаний, другая – общее соглашение, желание жить вместе, продолжать сообща пользоваться доставшимся неразделенным наследством... Героическое прошлое, великие люди, слава (но истинная) – вот главный капитал, на котором основывается национальная идея...

Э. Ренан (Что такое нация? 1882)

В переломные исторические эпохи, сопровождающиеся радикальными социально-политическими трансформациями, подобные тем, которые Россия пережила в первой трети и в конце XX в., становится

* The research has been conducted as part of work on the Grant of the Government of the Russian Federation P 220 No. 14.V25.31.0009 and of the Program to Increase the International Competitiveness of Tomsk State University.

особенно очевидной взаимозависимость коллективной исторической памяти и национальной идентичности. Историческая память выступает одним из конструирующих национальную идентичность факторов. Чрезвычайно важное значение приобрела эта проблема в годы Первой мировой войны, последствием которой стали распад империй и создание новых государств. Обстановка политической дезинтеграции в многонациональных Российской и Австро-Венгерской империях поставила перед населяющими их национальными меньшинствами необходимость выбора политического самоопределения и своей этнической идентичности.

Этническая и национально-политическая идентификация русинов, исторически проживавших в австрийских провинциях Галиция и Буковина, в венгерской провинции Угорская Русь¹, формировалась под воздействием разнородных факторов – экономических, политических, социокультурных, ментально-психологических, геополитических. Национальное развитие русинов в начале XX в. не было предопределено и могло развиваться по-разному – пойти по пути развития собственной галицийской идентичности, создания на русинской этнической основе украинской идентичности, интегрироваться в польскую нацию или влиться в состав общерусской нации (Марчуков 2006: 200–201). Все зависело от того, какому из проектов национального строительства – *польскому, украинскому, проекту «большой русской нации»* – суждено было сбыться. Сторонниками украинского проекта это население трактовалось как украинское, русского – как малороссийское, а польского – как русинское (Марчуков 2006: 25).

Следствием противоборства этих «проектов» стал раскол национального движения русинов на два непримиримых по своей идеологической направленности и национально-политической ориентации лагеря – «русофилов» («москвофилов») и «украинофилов». Первые стремились поддерживать и развивать в населении сознание культурного и национального единства с Россией, единства велико-, мало- и белоруссов, используя историческую традицию и память как составную часть механизма политической идентификации. Украинофилы, в отличие от русофилов, исходили из «единства всех украинских земель от Карпат до Дона» и основную задачу видели в создании украинской нации и государственности. Существенную роль в этих предпочтениях играла политика австрийских властей, поддерживавшая подобные устремления в целях ослабления российского влияния (Савченко 1999).

Изучение национальных меньшинств в Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны представляет сегодня значительный исследовательский интерес. Национальные размежевания, рост на-

ционализма в Галиции как следствие действий российских военных властей в период занятия этой территории анализируются М. фон Хагеном (Хаген 1999). В.Н. Савченко рассматривает этносоциальные процессы в Восточной Галиции, специфику конфессиональной и языковой политики австрийских властей по отношению к галицийскому славянству накануне и в годы Первой мировой войны (Савченко 1999, 2002, 2003). В работах И. Баринова, И. Стрелкова, С. Виднянского особое внимание уделяется развитию украинофильского движения в Буковине в 1914–1919 гг., а также роли внешних факторов в условиях территориального переустройства Европы (Баринов, Стрелков 2012, 2013; Виднянский 2012). Исследователи сходятся во мнении, что движение русинов было неоднородным, отражая разные тенденции в процессах национального строительства – украинофильские, полонофильские, русофильские.

А.В. Марчуков, анализируя становление и развитие украинского национального движения, раскрывает специфику раскола движения русинов на два национально-политических лагеря (русофилы и украинофилы), ведущих борьбу за население, обладавшее «еще донациональным сознанием, но на уровне исторической памяти, эмоций чувств», в значительной части тяготеющей к русофильству (Марчуков 2006, 2007). Появились исследования, посвященные анализу русофильского течения в русинском движении в рассматриваемый период (Суляк 2006; Нам, Наумова 2014; Шевелев, Конев 2014). Но тема обращения к исторической памяти² в целях выбора русинами той или иной версии нациестроительства³ еще не стала предметом специальных исследований.

Между тем русины-«москвофилы» отводили исторической памяти значимую роль в процессах национального строительства. Обращение к общим историческим корням помогало формировать коллективную солидарность, способствовало конструированию общерусской национально-политической идентичности. Культурно-национальное и государственное единство с Россией было базовой ценностью, которой руководствовались русофилы-карпатороссы. Особенно велика роль политической идентичности в условиях системных политических кризисов. В 1914–1918 гг. в Австро-Венгерской и Российской империях шел процесс дестабилизации властных структур, был утрачен контроль над ходом политических процессов, связанных с межэтническими отношениями. Распад империй имел своим следствием формирование новой этнической и национально-государственной идентичности у тех народов, которые входили в их состав.

Понятия памяти и идентичности неотделимы друг от друга. Между памятью и любой идентичностью, включая национальную, существу-

ют отношения взаимозависимости. Идентификация является одной из основных функций коллективной памяти. Манипуляции памятью являются одновременно и манипуляциями с идентичностью (Васильев 2013). Поддержание коллективной идентичности предполагает регулярное обращение к образам прошлого. Как базовый элемент конструирования коллективной идентичности историческая память особенно актуализируется в переломные исторические периоды войн и революций, которые характеризуются дестабилизацией общественных структур, ростом противоречий, конфликтов. Историческая память оказывает воздействие на массовое сознание, способствует консолидации общества и его интеграции, выполняет ряд других функций.

Политическая элита, общественно-политические деятели русинского движения, как русофилы, так и украинофилы, активно использовали в тех условиях ресурсы исторической памяти для национально-идентификационной привязки, определяя систему ценностей, на которой строилось единство русинов. В рамках ее выделялись знаковые элементы, в том числе общие культурные ценности. Течение русофилов стало формироваться в первой половине XIX в. при поддержке части интеллигенции, духовенства и разделялось крестьянством этого края благодаря существовавшей в его сознании «глубокой исторической традиции русофильства» (русский язык, обычаи, память). Главной целью, национальной идеей русинов-русофилов являлась реализация общерусского единства великороссов, малороссов и белоруссов. Общественные деятели русинов подчеркивали, что это единство – духовное и политическое – имело глубокие исторические корни, существовало в рамках Средневековья, в домонгольский период. Прошлое рассматривалось как великая ценность, как общая история, общий исторический путь, который объединял три ветви русского народа. Историческая память становилась основой для ориентации в настоящем, превращалась в идеологию, политический инструмент, определяя конкретные действия лидеров русофилов как в период войны, так и после ее окончания.

В годы Первой мировой войны территории проживания русинов оказались в зоне боевых действий. Австро-венгерские власти обрушили террор на галицийских русофилов, поводом для него становились не только те или иные формы сотрудничества, но и просто подозрения в симпатиях к России. Были убиты десятки тысяч их представителей (Суляк 2006: 49–52; Марчуков 2007: 205). Внешнее влияние России способствовало росту национального самосознания и активизации деятельности русинов-русофилов. Террор не изменил их политические симпатии и ориентацию на единство с Россией. После смены власти в России в 1917 г. эта часть русинов сохранила прорусскую стратегию,

ориентируясь на антибольшевистские силы и выдвинутый ими лозунг воссоздания единой и неделимой России. Свою цель лидеры русинов видели в собирании всех русских земель и оказании помощи в этом белогвардейцам. Надежды на реализацию этих планов усилились после распада Австро-Венгрии в октябре 1918 г., провозглашения права наций на самоопределение, создания Западно-Украинской Народной Республики, Восточно- и Западно-Лемковской республик, образования независимых Венгрии, Чехословакии, Польши.

Русофильское движение к началу XX в. было распространено достаточно широко. Важная роль в поддержании исторической памяти, культурного и национального единства русинов с Россией принадлежала общественным организациям москвофилов. Издавались газеты «Галичанин», «Прикарпатская Русь», «Православная Русь». Действовали культурно-просветительские организации: Русский народный дом во Львове, Общество им. М. Качковского, имевшее до 10 000 читален на территории Галичины, Русский ревизионный союз, объединявший до 120 экономических обществ, Русский народный дом в Черновцах, студенческое общество «Карпаты» (ГАРФ 3: 7) и др. Все они распространяли русский литературный язык, русские книги, стремились «поддерживать и развивать в населении сознание культурного и национального единства с Россией» (Савченко 2003: 147). Главной общественно-политической организацией становится Русский народный совет Прикарпатской Руси. Русофильское движение было сознательным «выражением многих подспудных установок и настроений широких слоев народа» (Марчуков 2007: 201).

После Февральской революции в России на собраниях и съездах галичан-русифилов звучало основное требование: «...исповедуя национальное и культурное единство русского народа, просить освободить Прикарпатскую Русь от австрийско-абсолютистского гнета и присоединить к Великой Русской демократической республике». Русский народный совет Прикарпатской Руси, переехавший в Ростов-на-Дону после отступления русских войск из Галиции, в июле 1917 г. принял резолюцию, содержащую требование «освобождения Прикарпатской Руси и... объединения её с Россией ... во имя национально-исторического завета завершения собирания русской земли и основываясь на провозглашенном принципе свободы и самоопределения народов». На всеобщем съезде делегатов от карпаторусских организаций в Америке был образован Союз освобождения Прикарпатской Руси. Добровольцы вступили в американскую армию и «письменно заявили американскому правительству, что за пролитую ими кровь они требуют освобождения их родины и присоединения ее к России» (ГАРФ 3: 8 об.).

В годы гражданской войны Россия оставалась для русинов-русофилов носителем общерусских ценностей и по возможности стремилась, хотя и непоследовательно, проводить политику общерусского единства внутри страны и на международной арене. В Сибири в годы гражданской войны карпаторусами были проведены два съезда и создан Центральный Карпаторусский совет, который определил национально-политические задачи движения, организовал призыв в карпаторусский отряд для создания «единого русского фронта». При этом сохранялась надежда на «строительство нового государства», в которое войдет когда-то «оторванная от национального целого Прикарпатская Русь» (Нам, Наумова 2014; Шевелев, Конев 2014).

В Государственном архиве Российской Федерации хранятся документы российского правительства А.В. Колчака в Омске – МИД, МВД, Совета министров. Эти материалы (докладные записки лидеров русинского движения, резолюции съездов) пронизаны апелляцией к глубокой устойчивой памяти об общерусском происхождении, к осознанию принадлежности русинов, проживавших длительное время за пределами российских границ, к общерусскому историческому пути.

Представляя себя частью русского мира, русофилы свою задачу видели в том, чтобы не допустить крушения России, оказать помощь белогвардейцам в сохранении государственного и национального единства русских. Через участие в урегулировании общероссийских проблем они пытались решать свои локальные задачи. Большое значение придавалось информированию белогвардейских властей Юга и Востока о своих целях и политических установках: 1) бороться «за воссоздание» Единой Великой России и полное объединение всего русского народа, «как это было со времени св. Владимира до 1340 г.»; 2) свергнуть «иго румын в Буковине, поляков – в Лемковщине, «украинских мазепинцев» – в Восточной Галиции». Об этом известил в 1919 г. омские власти граф В. Бобринский, председатель Галицко-русского общества, находившегося в Одессе (ГАРФ 1: 2).

В условиях кризиса и нестабильности общественные деятели карпаторусов использовали обращение к исторической памяти для обоснования исторической обусловленности своих действий и ориентации на общие задачи. В докладной записке делегата Русского исполнительного комитета во Львове Э.М. Вальницкого была представлена резолюция собрания карпаторусских общественных деятелей и граждан, состоявшегося в Киеве 12 декабря 1918 г. В ней подчеркивалось, что Прикарпатская Русь «составляет в историческом и национально-этнографическом отношении «искони русский край», который до середины XIV в. имел свою государственность и входил в виде «удельного княжества в состав тогдашней общерусской го-

сударственности Рюриковичей». Затем он был «захвачен под власть Польши, Молдавии, Венгрии», а впоследствии – Австро-Венгрии. На протяжении всего этого времени население в своем большинстве «считало и ныне считает себя русским в национальном и культурном отношении», родственным «в первую очередь с малорусским, а затем и со всем остальным русским народом в России» (ГАРФ 1: 7 об.–8). На этом основании в резолюции выдвигалось требование о присоединении «всей этнографической территории Прикарпатской Руси (Восточной Галичины с Лемковщиной, Северной Буковины и Северо-Восточной Венгрии) к вновь объединяющейся единой и неделимой России» (ГАРФ 1: 8). Историческая обусловленность единства карпатороссов и русских подкреплялась и новым принципом – правом на самоопределение народов (ГАРФ 1: 5 об.).

В документах, адресованных МИД и Совету министров российского правительства, дается развернутая аргументация общности исторических корней и культуры Прикарпатской Руси и «державной России». Приводятся статистические данные о численности карпатороссов в Австро-Венгрии, основанные на проведенной австрийскими властями переписи – 4 110 075 человек. Тем самым подчеркивалась закономерность выдвигаемых от многомиллионного населения края требований. Общность исторической судьбы русских и карпатороссов объяснялась тем, что Карпаты, как было сказано в документе, являлись общей родиной и представляли собой «колыбель русского народа». Подчеркивалось, что карпатороссы – «автохтонные жители» этой территории, в отличие от поляков, которые были пришлым элементом (ГАРФ 1: 25), что Галиция, Буковина и Угорская Русь составляли «неразрывную территорию», но австрийские власти нарушили это единство и разделили край на три административные единицы.

Авторы этих документов исходили из установки, что русское население Прикарпатской Руси имеет «тысячелетнюю историю»: с 981 по 1340 г. (359 лет) Прикарпатская Русь под названием Червонной Руси, а затем Галицко-Русского княжества входила в состав Русского государства. Единство с русскими землями связывалось с принадлежностью галицких князей с династии Рюриковичей: в XI в. в Восточной Галиции образовалось удельное русское княжество под правлением двух ветвей дома Рюриковичей, династии Ростиславовичей (1087–1198 гг.) и Романовичей (1198–1323 гг.). Представители двух княжеских династий – Ярослав Осмомысл, Роман Мстиславович и Даниил Романович – «принимали живое участие в делах Руси», стремясь к объединению и подчеркивая в своих титулах «свой русский характер». Роман Мстиславович носил титул «самодержец всея Руси». С пресечением династии Романовичей Дмитрий Детко называл себя

«блюстителем и старостою Русской земли». Галицкие князья поддерживали связь Прикарпатской Руси с северо-восточными русскими землями, женившись на суздальских княжнах (ГАРФ 1: 26; ГАРФ 2: 10).

Выделялась особая роль галицко-русских князей в защите границ на западе (против польских нашествий) и востоке (против половцев и татар). В 1202 г. Роман Мстиславович освободил Киев от половцев, его сын Даниил принимал участие в битве на реке Калке в 1223 г. и был ранен в бою. Князь Даниил «взял на себя роль освободителя от татарского ига», но не смог ее реализовать без помощи союзников. Именно ему общественные деятели карпатороссов приписывали инициативу идеи «совместной борьбы всех русских сил в борьбе с татарским игом». Это осуществилось в Куликовской битве в 1380 г., где участвовал и галицко-волинский полк. Не меньшую роль в судьбе русских земель карпаторосские лидеры отводили галицкому митрополиту Петру, «который внушил московским князьям мысль о собирании русских земель» (ГАРФ 1: 26).

Во второй половине XIV в. судьба независимого княжества Галицко-го изменилась. В результате войн между Польшей, Литвой и Венгрией Польша заняла галицкие земли. Но, как особо подчеркивалось, Галичина продолжала оставаться русской. Польские короли не считали ее польской землей и образовали из Восточной Галиции особое Русское воеводство, а себя называли королями Руси (ГАРФ 2: 10). С 1772 г., после первого раздела Польши, Восточная Галиция вошла в состав Австрии. Австрийские власти подчеркивали особость этой территории, называя ее «*Russia Rubra, Rothrussland*», именуя население русскими, а его язык – русским (ГАРФ 2: 10). В 1815 г. австрийское правительство стало употреблять термин «*Ruthenen*», который с 1848 г. был официально введен для обозначения малорусского населения Галичины, Буковины и Угорской Руси и использовался вплоть до 29 июня 1917 г. С этого времени австрийский император Карл I официально стал употреблять термин «украинский» по отношению к малороссам (ГАРФ 2: 11).

Подчеркивалось, что население Восточной Галиции сохраняло самосознание «принадлежности к русскому народу». По исторической традиции, по языку, религии галичане представляли собой «часть малорусского племени». Русское население Галиции определяло свою национальность как русины, образуя от него прилагательное «русский». Сам термин «русин» древнего происхождения и тождествен употребляемому названию «русский». Такой вывод содержался в документах, составленных карпаторосскими лидерами. Национальная русская идентичность, как было отмечено, присутствовала и у тех карпатороссов, которые эмигрировали и длительное время прожи-

вали за пределами своей родины. Сохраняя на протяжении XIV–XIX вв. свои территории, традиции, самосознание, русины не чувствовали изолированность и «принимали активное участие в духовной жизни русского народа и создании русской культуры». В древности галицко-волинские летописи считались одними из лучших летописей. Карпатороссы-интеллигенты создавали философские произведения, труды по юриспруденции. Указывалось, что в «сокровищницу русской культуры» внесли свой вклад Общество имени Качковского, Галицко-русская матица, Русский народный дом во Львове, Ставроничийский институт (ГАРФ 1: 12). Прикарпатская Русь являла собой барьер против воинствующего католицизма. Защитниками православия выступали Иов Борецкий, Иван Вишенский.

Идея собирания Руси и присоединения Прикарпатской Руси, как отмечалось, была составной частью политики царей и императоров. Как полагали лидеры карпатороссов, в этом заключалась историческая миссия России. Авторы анализируемых документов подчеркивали, что судьба русинов, их освобождение всегда «волновали умы русских государей» – Екатерины II, Николая I, Александра II, Александра III. Екатерина II высказывала мысль «об обмене польских губерний на Галицкую Русь». Об обмене Прикарпатской Руси на польские земли «думали» императоры Николай I, Александр III. Указывалось на посещение императором Николаем II Галиции во время Первой мировой войны как на свидетельство ее связи с Россией. В апреле 1915 г. в письме главнокомандующему Юго-Западным фронтом Николай II писал, что русские войска вернули «нам подъяремную Русь, тем самым освободив от ига вражеского родное нашему отечеству племя». 9 апреля 1915 г. во время пребывания во Львове Николай II сказал: «Да будет единая, могучая и нераздельная Русь» (ГАРФ 1: 26; ГАРФ 2: 16). Общественные деятели карпатороссов считали необходимым бороться за небольшевицкую Россию, объясняя это тем, что большевики «отдали часть Руси австро-мадьярам, осквернили веру, растоптали идею народовластия, истребили культуру».

Столь настойчивое обращение лидеров карпатороссов к истории, исторической памяти, стремление информировать белогвардейские власти об общем прошлом, неразрывно связанном с Древней Русью, Московским государством, императорской Россией, объясняется и тем, что лидеры белого движения, в сущности, плохо знали историю русинов. Так, генерал Врангель признавался, что он не знал, что такое Прикарпатская Русь и кто такие карпатороссы, полагая, что это просто какие-то славяне, и поэтому не видел необходимости в создании отдельного карпаторусского отряда. Только после разъяснений со стороны «сведущих людей» он поддержал его формиро-

вание. (Ваврик 1923: 26). Лидеры карпатороссов в Сибири считали обязательным «осведомление широких кругов общества и других народов о целях и стремлениях карпатороссов», включая рядовых военных. При создании карпаторусского отряда в Сибири из числа военнопленных и беженцев на офицерские и унтер-офицерские должности предлагалось назначать боевых офицеров, «по возможности ознакомленных с исторической судьбой Прикарпатской Руси» (ГАРФ 1: 20). Для карпатороссов-добровольцев в Сибири был издан «Катехизис», в котором была представлена история Прикарпатского края, а карпатороссы рассматривались как часть «стоимиллионного русского народа» (Карпаторусское слово 1919: № 3(4). Вхождение карпаторусского отряда в ряды белогвардейской армии оценивалось как важный шаг в совместной борьбе за единую Россию.

Таким образом, обращение лидеров русинского (карпаторусского) национального движения к исторической памяти, к идее об общерусском происхождении, о принадлежности к русскому миру было основой, ресурсом политической борьбы русинов за «воссоединение» Прикарпатской Руси с «носителем общерусских ценностей» – Россией. В случае достижения этой цели ее результатом могло быть преобразование русинского населения в локальный вариант общерусской политической нации – одного из возможных вариантов национального развития восточнославянского населения Галицкой Руси (Марчуков 2007: 200). Но ограниченные политические, материальные и военные возможности карпатороссов и их союзников, непоследовательность политики белогвардейских правительств и геополитические интересы мировых держав, не совпадавшие с планами лидеров русинского движения, не позволили достигнуть этой цели⁴. Существующее и ныне пророссийское течение в русинском движении вобрало в себя много русофильских элементов XIX – начала XX в. и по-прежнему заявляет о своей принадлежности к единому русскому народу «от Карпат до Камчатки».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русин – самоназвание населения Древней Руси, производное от слова *Русь*. Он упоминается в литературных памятниках с X в. К середине XIX в. этноним *русин* оставался широко распространенным в качестве самоназвания населения Карпатской Руси (Галичина, Буковина, Угорская Русь), чьи земли находились под владением Австро-Венгрии, а также населения севера Бессарабии и Холмщины. Австро-венгерские власти называли своих русских подданных *русины*,

рутены (нем. Russinen, Rutnenen), в отличие от русских (российских подданных). Причем название *рутены* – средневековое латинское название русских, а *русины* – неправильное образование множественного числа от единственного числа *русин*. Сами русины называли себя в единственном числе *русин*, а во множественном числе – *русскими*, веру свою – *русскою*, свой народ и язык – *русскими*. Русины подразделялись на ряд этнокультурных групп: бойки, лемки, подоляне, гуцулы, покутяне, верховинцы, долиняне и др. Вторым этнонимом населения Карпатской Руси – *руснак*, возникший как противопоставление этнониму *поляк*, известен, по крайней мере, с начала XV в. Руснаками (русняками) называли русинов их соседи поляки, словаки, чехи. (Суляк, 2007: 29). В СССР русины рассматривались (а на Украине продолжают официально рассматриваться и сейчас) как этнографическая группа украинцев (Кто такие русины?). Сегодня этноним *русин* распространен в Закарпатской области Украины, Воеводине (Сербия), Хорватии, на востоке Словакии и Венгрии, юго-востоке Польши, севере Румынии и Молдавии, Буковине (Сучавский уезд Румынии и Черновицкая область Украины), США, Канаде.

2. Введение в научный оборот понятия исторической памяти и начало ее изучения относят к 20-м гг. XX в. и связывают с именем французского социолога Мориса Хальбвакса, который выдвинул и обосновал тезис о существовании феномена коллективной памяти как средства самоидентификации различных сообществ людей, как социальной конструкции, создаваемой в настоящем. Память понимается им не как сумма воспоминаний отдельных людей, а как некое коллективное культурное произведение, развивающееся под влиянием семьи, религии и социальной группы через языковые структуры, повседневные жизненные практики и общественные институты (Хальбвакс 2007). Возрождение интереса к этой проблематике («мемориальный бум» 1980-х гг.) начался с разработки проблемной связки «память – идентичность». Идея М. Хальбвакса о том, что у каждой нации есть своя историческая память, определяющая ее идентичность, но при этом порою весьма далекая от научных представлений о прошлом, вдохновила французских историков на масштабный проект «Места памяти», осуществленный под руководством Пьера Нора. Предметом исследования в нем стали «места памяти» – отдельные местности, памятники, события, ритуалы, символы и традиции, составляющие многообразие французской национальной идентичности: Пантеон, Жанна д'Арк, Триумфальная арка, словарь Ларусса, Стена коммунаров и др. (Нора 1999).

3. В 1980-х гг. сложился этно-символистский подход к анализу феномена нации и национализма, представленный в трудах Дж. Армстронга, Дж. Хатчинсона и Э. Смита, призванный избежать крайностей

примордиалистского видения наций как извечных, устойчивых и естественных акторов мировой истории и модернистской их трактовки как исключительно современного явления, возникшего в результате осуществления элитами проектов конструирования и изобретения этих «воображаемых сообществ». Суть этого подхода заключается в том, что нациестроительство как успешный интеллектуальный проект возможен только в том случае, если предлагаемая элитами конструкция найдет широкий отклик в массах, если творцы нации сумеют опереться на глубоко укорененный в культурной памяти «мифо-символический комплекс» (Дж. Армстронг), содержащий символы, мифы и ценности глубокого этнического характера (Васильев 2013).

4. В 1919 г. Подкарпатская Русь (Закарпатье) в состав Чехословакии вошла на правах автономии. В 1939 г. в Закарпатье были введены венгерские войска. По договору между Советским Союзом и Чехословацкой республикой от 29 июня 1945 г. Подкарпатская Русь была включена в состав Украинской ССР как Закарпатская область. Восточная Галичина, а также населенные русинами земли в Западной Галиции, Перемышль после Первой мировой войны вошли в состав Польши. В 1939 г. Восточная Галичина была включена в состав Украинской ССР (Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области Украины). Воеводина в 1918 г. стала частью Югославии. Буковина и Бессарабия были присоединены в 1918 г. к Румынии. В 1940 г. Северная Буковина стала Черновицкой областью УССР, а большая часть Бессарабии вошла во вновь образованную Молдавскую ССР.

ЛИТЕРАТУРА

Баринов, Стрелков 2012 - *Баринов И., Стрелков И.* Будущее Буковины в контексте русских, украинских и румынских предложений на Парижской мирной конференции 1919 // Русин. 2012. № 2 (28). С. 35–47.

Баринов, Стрелков 2013 - *Баринов И., Стрелков И.* Западная граница в украинском и русском представлении: между пропагандой и политикой (1914–1919 гг.) // Русин. 2013. № 1 (31). С. 78–94.

Ваврик 1923 - *Ваврик В.Р.* Карпатороссы в Корниловском походе и Добровольческой армии. Львов, 1923. 47 с.

Васильев 2013 - *Васильев А.Г.* Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идеи России в 21-м веке. URL: <http://lib.znate.ru/docs/index-266296.html> (дата обращения: 4.11.2015).

Виднянский 2012 - *Виднянский С.* Процессы национального самоопределения на Буковине в 1918 г., ее включение в состав Румынского королевства

и румынизация автохтонного украинского населения края // Русин. 2012. № 2 (28). С. 23–34.

ГАРФ 1 - Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 176. Оп. 3. Д. 65. Доклад уполномоченного Русского исполнительного комитета во Львове и переписка с министрами Российского правительства о формировании карпаторусских отрядов и отправке их в Сибирь, о деятельности Центрального Карпаторусского совета, схематические карты Прикарпатской Руси и другие материалы. 2 июня – 21 августа 1919 г.

ГАРФ 2 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 360. Доклад Второго политического отдела МИД о политическом и экономическом положении Польши, Прикарпатской Руси и переписка с Министерствами военных и внутренних дел о положении поляков в Сибири. 26 окт. 1918 г. – 22 июля 1919 г.

ГАРФ 3 - ГАРФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 357. Переписка с Центральным Карпаторусским советом в Омске, Военным министерством и российскими послами за границей о политическом положении карпаторуссов – населения Галицкой, Буковинской и Угорской Руси. 5 окт. – 25 июня 1919 г.

Карпаторусское слово 1919 - Катехизис добровольца-карпаторосса // Карпаторусское слово. 1919. № 3 (4).

Кто такие русины? // Межрегиональная общественная организация «Объединение русинов». URL: <http://ya-rusin.com/kultura-rusinov/kto-takie-rusiny.html> (дата обращения: 4.11.2015).

Марчуков 2006 - *Марчуков А.В.* Украинское национальное движение в СССР. 1920–1930-е годы. М.: Наука, 2006. 599 с.

Марчуков 2007 - *Марчуков А.В.* «Русские» или «украинцы»? Пути национального развития населения Галиции глазами австрийских дипломатов // История народов России в исследованиях и документах. М.: ИРИ РАН, 2007. Вып. 2. С. 196–224.

Нам, Наумова 2014 - *Нам И.В., Наумова Н.И.* Съезды карпатороссов в Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–156.

Нора 1999. – *Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М.* Франция – память. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 328 с.

Савченко 1999 - *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 гг. (этно-социальные особенности и проблема присоединения к России) // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 95–106.

Савченко 2002 - *Савченко В.Н.* Восточная Галиция в 1914–1915 годах (национально-политическая ситуация и политика российской администрации) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 76–89.

Савченко 2003 - *Савченко В.Н.* Национально-политические отношения в Восточной Галиции и Буковине. 1910–1911 годы // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 145–149.

Суляк 2006 - Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1(3). С. 46–65.

Суляк 2007 - Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–56.

Хаген 1999 - М. фон Хаген. Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской империи // Россия и Первая мировая война: Материалы международной конференции. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 386–403.

Хальбвакс 2007 - Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.

Шевелев, Конев 2014 - Шевелев Д.Н., Конев К.А. Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 167–181.

REFERENCES

Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) The future of Bukovina in the contexts of Russian, Ukrainian and Romanian projects during the Paris Peace Conference of 1919. *Rusin*. 2 (28). pp. 35-47.

Barinov, I. & Strelkov, I. (2013) The western frontier in Ukrainian and Russian views: between propaganda and politics (1914-1919). *Rusin*. 1 (31). pp. 78-94.

Vavrik, V.R. (1923) *Karpatorossy v kornilovskom pokhode i Dobrovol'cheskoy armii* [Carpatho-Rusyns in the Kornilov's march and Volunteer Army]. Lvov.

Vasil'ev, A.G. (2013) Kul'turnaya pamyat'/zabvenie i natsional'naya identichnost': teoreticheskie osnovaniya analiza [Cultural memory/oblivion and national identity: A theoretical basis]. In: Razlogov, K.E. et al. *Kul'turnaya pamyat' v kontekste formirovaniya natsional'noy idei Rossii v 21 veke* [Cultural memory in the context of formation of Russian national idea in the 21st century]. [Online] Available from: <http://lib.znate.ru/docs/index-266296.html>. (Accessed: 4th November 2015).

Vidnyanskiy, S. (2012) The Processes of National Self-Determination in Bukovina in 1918, Its Annexation into the Structure of the Rumanian Kingdom and the Rumanization of the Indigenous Population of the Land. *Rusin*. 2 (28). pp. 23-34.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 176. List 3. File 65.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 360.

The State Archives of the Russian Federation (GARF). Fund 200. List 1. File 357.

Anon. (1919) Katekhizis dobrovol'tsa-karpatorossia [Catechism of the Carpatho-Rusyn Volunteer]. *Karpatorusskoe slovo*. 3 (4).

Association of Rusins. (n.d.) *Kto takie rusiny?* [Who are the Rusyns?]. In: In:terregional public organization "Association of Rusyns". [Online] Available

from: <http://ya-rusin.com/kultura-rusinov/kto-takie-rusiny.html>. (Accessed: 4th November 2015).

Marchukov, A.V. (2006) *Ukrainskoe Natsional'noe dvizhenie v USSR. 1920–1930-e gody* [Rusyn's national movement in the USSR in 1920–1930s]. Moscow: Nauka.

Marchukov, A.V. (2007) “Russkie” ili “ukraintsy”? Puti natsional'nogo razvitiya naseleniya Galitsii glazami avstriyskikh diplomatov [“Russians” or “Ukrainians”? The ways of national development of the population of Galicia through the eyes of Austrian diplomats]. In: Trepavlov, V.V., Bulgakov, M.B. & Marchukov, A.V. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh* [The history of the peoples of Russia in the studies and documents]. Issue 2. Moscow: IRI RAN. pp. 196–224.

Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpathoross Reunions in Siberia during the years of the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3 (37). pp. 152–156.

Nora, P., Ozuf, M., Pyuimezh, Zh. & Vinok, M. (1999) *Frantsiya – pamyat'* [France – Memory]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Savchenko, V.N. (1996) Vostochnaya Galitsiya v 1914–1915 gg. (etnosotsial'nye osobennosti i problema prisoedineniya k Rossii) [Eastern Galicia in 1914–1915-s (ethno-social features and problems of joining Russia)]. *Voprosy istorii*. 11–12. pp. 95–106.

Savchenko, V.N. (2002) Vostochnaya Galitsiya v 1914–1915 godakh (natsional'no-politicheskaya situatsiya i politika rossiyskoy administratsii) [Eastern Galicia in 1914–1915 (national-political situation and the policy of the Russian administration)]. *Otechestvennaya istoriya*. 5. pp. 76–89.

Savchenko, V.N. (2003) Natsional'no-politicheskie otnosheniya v Vostochnoy Galitsii i Bukovine. 1910–1911 gody [National-political relations in Eastern Galicia and Bukovina. 1910–1911 years]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 145–149.

Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smuty [Rusins in the First World War and the Russian strife]. *Rusin*. 1 (3). pp. 46–65.

Sulyak, S.G. (2007) Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee [Rusins in History: Past and Present]. *Rusin*. 4 (10). pp. 29–56.

Hagen, M. fon. (1999) [The Great War and the artificial strengthening of ethnic identity in the Russian Empire]. *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna* [Russia and the First World War]. Proc. of the International Conference. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 386–403.

Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social frames of memory]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.

Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2014) The theme of the “Great War” in the interaction of Russian government of admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919). *Rusin*. 3 (37). pp. 167–181.

Нам Ирина Владимировна – доктор исторических наук, профессор кафедры современной отечественной истории Томского государственного университета (Россия).

Nam Irina – Tomsk State University (Russia).

E-mail: namirina@bk.ru

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения Томского государственного университета (Россия).

Naumova Natalia – Tomsk State University (Russia).

E-mail: tomnin@yandex.ru